

Иванов Александр Сергеевич

ФЕНОМЕН РЕЖИМНОЙ УРБАНИЗАЦИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Автором изучается явление режимной урбанизации - проникновения и оседания в городах Западной Сибири различных категорий спецконтингента сталинской эпохи. На примере спецпереселенцев выявлены и раскрыты основные черты данного процесса. Исследование показывает, что ликвидация системы внеэкономического принуждения (в форме спецпоселений) приводит к исчезновению феномена режимной урбанизации.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/10-1/20.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 10 (60): в 3-х ч. Ч. I. С. 90-94. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/10-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

25. **Vorotnikov V.** Russia and Japan Collaborate on Wind Energy Innovation in the Far East [Электронный ресурс]. URL: <http://www.renewableenergyworld.com/rea/news/article/2014/03/russia-and-japan-collaborate-on-wind-energy-innovation-in-the-far-east> (дата обращения: 24.05.2015).
26. **Yergin D.** Ensuring Energy Security [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ga/61/second/daniel_yergin_energysecurity.pdf (дата обращения: 24.05.2015).

EVOLUTION OF JAPAN'S ENERGY POLICY AND RUSSIAN-JAPANESE RELATIONS IN THE SPHERE OF POWER ENGINEERING IN THE SECOND HALF OF THE XX – AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

Dryakin Andrei Borisovich

*Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
dryakin@mail.ru*

The history of Japan's energy policy after the Second World War can be divided into several key stages determining the trends of its formation and development. Each of these stages has its own specific features representing the policy of the Japanese administration in the sphere of power engineering. In the article the author identifies the basic stages of the post-war development of Japan's energy policy and diplomacy and analyzes the evolution of Russian-Japanese relations in the sphere of power engineering.

Key words and phrases: history of Japan's energy policy; energy diplomacy; energy security; Russian-Japanese relations; stages of developing energy policy in Russian-Japanese relations.

УДК 94(47).084.8

Исторические науки и археология

Автором изучается явление режимной урбанизации – проникновения и оседания в городах Западной Сибири различных категорий спецконтингента сталинской эпохи. На примере спецпереселенцев выявлены и раскрыты основные черты данного процесса. Исследование показывает, что ликвидация системы внеэкономического принуждения (в форме спецпоселений) приводит к исчезновению феномена режимной урбанизации.

Ключевые слова и фразы: режимная урбанизация; спецпереселенцы; репрессии; спецпосёлки; режимные города; «приписные горожане»; спецконтингент.

Иванов Александр Сергеевич, к.и.н.

*Томский государственный нефтегазовый университет (филиал) в г. Сургуте
88d@bk.ru*

ФЕНОМЕН РЕЖИМНОЙ УРБАНИЗАЦИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ©

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-11-86001а(р).

В данной статье автором предпринимается попытка осмысления режимной урбанизации – процесса проникновения и оседания в городах представителей различных групп «режимного» населения (спецконтингента) – заключенных, военнопленных, интернированных, узников проверочно-фильтрационных лагерей. Объектом нашего исследования является феномен инфильтрации в городские населенные пункты Западной Сибири спецпереселенцев.

Современные авторы, занимающиеся проблемами режимных городов и «режимных» людей, определяют понятие «режим», как принудительное предписание, которое являлось доминирующей формой государственного регулирования. Так, существовавший с начала 1930-х гг. паспортный режим служил инструментом сегментации территории страны и создания множества дискриминируемых по разным признакам групп [13, с. 13]. Одной из таких групп являлись спецпереселенцы, жизнь которых определялась режимом спецкомендатуры. Режим спецпоселения, основные административные функции комендантов и обязанности спецпереселенцев были определены во «Временном положении о правах и обязанностях спецпереселенцев» (от 25 октября 1931 г.), «Положении о районных и поселковых спецкомендатурах НКВД» (от 7 февраля 1944 г.), Постановлении СНК СССР № 35 «О правовом положении спецпереселенцев» (от 8 января 1945 г.) и сохранились с незначительными изменениями.

Нужно полагать, что одной из скрытых интенций государственной политики 1930-1950-х гг. было регулирование процесса урбанизации и состава городского населения. Уже 30 января 1930 г. Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) поручал промышленным наркоматам и ВЦСПС «принять немедленные меры по очистке промышленных предприятий в городах от отдельных кулацких элементов...» [14, с. 293]. В соответствии с этой тенденцией, введенная в конце 1932 г. паспортная система фактически разделяла сельское и городское пространство.

Паспортный режим органично дополнялся режимом спецпоселения. Базовой установкой режима спецпоселения, закрепленной в «Положении» от 7 февраля 1944 г., являлся запрет на выезд или уход за пределы административного района расселения, для чего в паспортах (в тех местах где существовал паспортный

режим) спецпереселенцев делалась отметка: «Действителен для проживания только в таком-то районе или городе» [9, с. 403]. Самовольное оставление района поселения каралось в уголовном порядке.

Вероятно именно ввиду наличия нормативной базы, достаточно четко лимитирующей пребывание спецпереселенцев в городах, на сегодняшний день в историографии не существует специальных исследований, раскрывающих проблематику режимной урбанизации, проникновения спецпереселенцев в города и спецпереселенцев-горожан в целом. Так, И. Ф. Рудакова рассматривает г. Томск и его пригороды как перевалочную базу для спецпереселенцев начала 1930-х гг., направившихся в северные районы Сибири на трудпоселения [17, с. 177-178]. С. А. Красильников указывает на существование запрета на проживание спецпереселенцев в режимных городах (к началу 1953 г. ограничения на место жительства, для различных категорий населения, охватывали 340 городов, местностей и железнодорожных станций Советского Союза) [12, с. 30; 14, с. 317]. Л. П. Белковец приводит отдельные противоречивые примеры, которые свидетельствуют о возможности проникновения в города для отдельных групп спецпереселенцев (в первую очередь квалифицированных специалистов) [1, с. 77, 102].

Между тем, как показывают архивные материалы военных лет, времени, когда власть столкнулась с активным проникновением в города спецпереселенцев – «бывших кулаков», нахождение в городе любого спецпереселенца воспринималось властями как скрытая угроза. Репрессированные попадали в города лишь преодолев значительное количество административных барьеров [3, д. 87, л. 114 об.]. В случае со спецпереселенцами-немцами (позднее эта практика была распространена на спецпереселенцев других этнических и социальных групп) разрешение на переезд в другие районы и районные центры давали райисполкомы, а направление на работу в города областного подчинения могло быть получено лишь в отдельных случаях и санкции облисполкома. Имевшие такое разрешение переселенцы устраивались на работу в «общем порядке» [1, с. 102]. Факт проникновения спецпереселенцев в города Западной Сибири подтверждают данные Таблицы 1.

Таблица 1.

Спецпереселенцы в городах Омской и Тюменской областей (1945-1949 гг.), чел*

Город	1 июля 1945 г.	1 июля 1949 г.
Тюменская область		
Тюмень	1362	2102
Тобольск	222	256
Ишим	84	191
Ялуторовск	284	411
Салехард	2469**	1860
Итого по области	4421	4820
Доля к общему числу спецпереселенцев, %	7,4%	9,3%
Омская область		
Омск	–***	7430****
Исилькуль	206	474
Тара	139	217
Тюкалинск	30	118
Итого по области	375	8239
Доля к общему числу спецпереселенцев, %	0,9%	10%
Всего по областям	4796	13059
* Без учета закрепленных за городскими спецкомендатурами, но проживающих за пределами городов.		
** Данные о численности спецпереселенцев по комбинатской спецкомендатуре.		
*** К концу войны город находился вне системы спецпоселений.		
**** Включая 17 чел., относящихся к спецкомендатуре № 44.		
Составлено и подсчитано по источникам: [3, д. 260, л. 41, 50, 72, 92 об., 94, 100 об. – 101, 109, д. 513, л. 73, 82, 93, 94, 107, 113 об., б/л].		

Комментируя содержание таблицы стоит отметить, что депортированных в 1941 г. немцев Поволжья планировалась расселять в райцентрах и городах Омской области, исключая областной центр [Там же, с. 56]. Запрет на расселение спецконтингента в Омске продержался до конца войны, в военные годы город играл роль распределительного пункта для депортантов [8, д. 131, л. 76].

Вместе с тем в годы войны под влиянием все новых потоков принудительных миграций (немцев, финнов, калмыков, чеченцев, ингушей и др.) произошел процесс разрушения сети централизованной сети расселения спецпереселенцев в труд(спец)поселках. Подтверждение мы находим в словах начальника отдела спецпоселений УНКВД Новосибирской области Жукова, который в декабре 1944 г., характеризуя положение с кадровым составом аппарата спецкомендатур Сибири, осуществляющим надзор за калмыками, отмечал: «в абсолютном большинстве областей спецпоселков в том виде, как они были раньше, уже давно не существует. Наш контингент живет так же, как и остальное правовое население, т.е. расселен по всему району. Таким образом, комендант там, где он один по штату, фактически обслуживает целый административный район, там, где их два, половину административного района» [3, д. 161, л. 171].

Трансформация режима спецпоселения, под воздействием миграционных потоков военных лет, заложила основу для роста численности горожан. Этот процесс набирал обороты в послевоенные годы ввиду нехватки

рабочих рук. Принципиальным для режима был вопрос максимального использования трудового потенциала репрессированных, что проявлялось в распределении спецпереселенцев между отдельными министерствами и ведомствами еще перед принудительным переселением или в процессе оно.

Находящиеся на спецпоселении в городах и в сельской местности ставились на учет отдельных спецкомендатур, и для системы спецпоселений не имело никакого значения в какой комендатуре состоит на учете спецпереселенец – в городской или районной, более того в городах и райцентрах зачастую находились на учете депортанты, проживающие в пригородных поселениях (как это было, например, в Ишиме, Ялуторовске, Таре). Это подтверждается данными Таблицы 1.

Среди современных урбанистов все большим влиянием пользуется концепция «ведомственной урбанизации» [21, с. 66]. Если рассматривать город, как ведомственное «социалистическое» хозяйство, подходя к проблеме депортации с позиций данной концепции, то мы увидим, какую непропорционально большую роль играли в северных округах Тюменской области Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий госрыбтресты (производили отбор спецпереселенцев на Север, контролировали жилищное строительство для спецпереселенцев, обеспечивали снабжение рыбацкого населения городов) [6, д. 178, л. 142, 156]. Но спецпереселенцы не являлись представителями правового населения и, соответственно, вольными членами этого «социалистического» хозяйства. Наряду с производственно-хозяйственными структурами, советскими и партийными инстанциями их судьбами распоряжалось надзиравшее за ними карательное ведомство – ОГПУ/НКВД/МВД. И, именно в этом смысле, государственную политику спецпереселения можно назвать фактором, вызвавшим к жизни не ведомственную, а режимную урбанизацию.

Явление режимной урбанизации обладало уникальными характерными чертами, которые мы постараемся выявить и раскрыть ниже.

1. *Секретность режимной урбанизации.* Государство пыталось управлять процессом режимной урбанизации, не допуская беспорядочного расселения спецконтингента (лиц находящихся под ограничительным действием определенного режима) в городских поселениях с высокой концентрацией оборонных производств. Существовала директива руководства НКВД и НКГБ от 18 октября 1944 г. «о возможности использования спецпереселенцев на работах в промышленных предприятиях» [2, д. 172, л. 113], разъяснявшая, что «спецпереселенцы в промышленных предприятиях, в том числе на заводах оборонной промышленности, как правило, могут быть использованы на строительных и подсобных работах», в остальных случаях вопросы допуска решались в индивидуальном порядке, «обеспечивая за ними тщательное агентурное наблюдение» [Там же].

Подобные директивные указания носили «секретный» либо «совершенно секретный» характер, как и вся переписка относительно спецпереселенцев. И этот факт приводит нас к одной из важнейших черт режимной урбанизации – ее негласному характеру. Если спустя десятилетие (в начале 1960-х гг.) людей завлекали на Север рассказами о новых социалистических «нефтяных городах» [20], то в 1953 г. даже в «секретной» переписке между УМВД и Тюменским облисполкомом, говоря о слиянии поселка Черный Мыс с рабочим поселком (с 1965 г. – городом) Сургут, ни руководство министерства внутренних дел, ни функционеры исполкома не упоминают о режимном статусе Черного Мыса, который был основан как трудпоселок (затем спецпоселок) для ссыльных крестьян и оставался местом поселения «невольных сибиряков» до отмены режима спецпоселения в конце 1950-х гг. [5, д. 2452, л. 104-107]. В советском публичном дискурсе о статусе таких поселений и их обитателей предпочитали не упоминать до 1980-х гг. [16, с. 2]. Ныне доступная делопроизводственная документация отдела спецпоселений НКВД/МВД СССР не дает усомниться в режимном статусе этого поселения [3, д. 260, л. 92-109; 19, с. 284-285].

2. *Конфликтность.* Наличие нескольких опекунов и зависимость спецпереселенцев от их воли превращала последних в «приписных» горожан, закрепленных за конкретными министерствами и ведомствами, направляемых куда-либо для решения народнохозяйственных задач. Конфликты между представителями производственно-хозяйственных организаций, советско-партийными органами были не редки, так как, например, рыбопромышленные тресты периодически перебрасывали спецпереселенцев (одиночек и целыми семьями) «по производственной необходимости». При передаче спецпереселенцев между предприятиями шла своеобразная «торговля», т.к. они обязаны были предоставить работу всем трудоспособным и принять на баланс иждивенцев. Переселенцы (депортированные в 1942 и 1944 гг.) были переданы для работы в рыбной промышленности, поэтому директоров предприятий (в городах и сельской местности) обязывали принимать новый контингент. В свою очередь руководители предприятий делали все от них зависящее, чтобы отбраковать нетрудоспособных людей [7, д. 18, л. 92-93]. Подобное «потребительское» отношение объяснялось тем, что государство не стремилось сделать из спецпереселенцев горожан. Урбанизация (огороживание) как погружение в городскую производственно-хозяйственную среду выступала здесь не целью, а средством. Город воспринимался лишь как территориально локализованный производственный комплекс, место формирования лояльного трудового населения.

3. *Вариативность.* Система расселения спецпереселенцев в городах являлась также результатом причудливого переплетения режимных и производственно-хозяйственных интересов. Анализ архивных документов и рассказов очевидцев событий позволяет выделить два основных варианта вписывания административного режима в городскую среду: 1) «классический поселковый» – переселенцам предоставлялось право перемещения от производственной зоны предприятия (организации) до находящегося в городской черте барачного поселка спецпереселенцев (пос. Перековка – в Ханты-Мансийске; пос. Рыбкомбината – в Салехарде). Тем самым, находящиеся на спецпоселении граждане отделялись «режимной стеной» от остального городского пространства; 2) «городской» – г. Тюмень, Омск, где городские комендатуры (к 1949 г. в Тюмени – 3; в Омске – 10) покрывали все городское пространство, благодаря чему для спецпереселенцев не существовало

«внутригородских режимных стен», запрещался «лишь» несанкционированный выезд за пределы населенного пункта [3, д. 513, л. 73, 82, 93, 94, 107, 113 об., б/л; 18, с. 267-269].

Спецпереселенцев в городах притягивала система снабжения, обеспечивавшая доступ к относительно широкому ассортименту товаров, возможность реализации личного профессионального потенциала, дававшая возможность карьерного роста и более высокого заработка, более качественное медицинское обслуживание и наличие развитой образовательной сети (семилетних школ, техникумов, вузов) [18, с. 268]. Как показывают исследования социально-экономического положения и уровня развития инфраструктуры Севера Западной Сибири, подобные возможности имелись только в городских населенных пунктах [10].

4. *Принудительность*. С принятием 5 июля 1954 г. Постановления Совета Министров «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев» началось осязаемое ослабление режимных ограничений. Спецпереселенцам было разрешено свободное перемещение в пределах областей проживания. Предоставление этой возможности было средством расширения сферы использования труда спецпереселенцев. В частности, оно позволило более массово использовать труд депортированных на освоение целины [2, д. 542, л. 129]. Так, переселенец Борис Мукабенов, работавший токарем на заводе им. Розы Люксембург в г. Омске, смог в 1954 г. беспрепятственно выехать в Полтавский район Омской области на освоение целинных земель [15, с. 15]. С другой стороны, как показывает данный пример, Постановление привело к отъезду спецпереселенцев. Наибольшие затруднения испытали власти северных городов, традиционно ощущавшие дефицит рабочей силы. В сентябре 1955 г. Ямало-Ненецкий окружком КПСС констатировал, что «...с 1 июля 1954 г. из округа выехало 557 человек спецпоселенцев. Только из города Салехарда выехало 224 человека...» [4, д. 791, л. 9]. К началу 1959 г. на всей территории Омской и Тюменской областей находилось менее тысячи бывших спецпереселенцев-калмыков, почти не осталось их и в городах [11, с. 427-428, 466].

«Приписные горожане» стали стремительно покидать места поселения. В этом проявилась оборотная сторона другой особенности режимной урбанизации – ее опоры на внеэкономическое принуждение. Ослабление, а затем и исчезновение в конце 1950-х гг. административного давления привело сначала к распаду искусственной режимной поселенческой сети (в городах и сельской местности), а затем и полной ликвидации феномена режимной урбанизации, ввиду отмирания его системообразующего фактора – репрессивного контроля спецкомендатур.

В итоге, режимная урбанизация как процесс проникновения и обустройства в городах представителей различных спецконтингентов (в первую очередь спецпереселенцев) имеет ряд характерных черт:

1) негласный характер (секретность) – сокрытие статуса как режимных населенных пунктов (спецпоселков) и «режимных» людей (спецпереселенцев), приписанных к городским организациям, живших и работавших в городах;

2) конфликтность – наличие межведомственного конфликта, особенно остро проявившегося в годы Великой Отечественной войны, связанного с невозможностью полноценно сочетать интересы карательного ведомства (административный надзор НКВД/МВД) и производственно-хозяйственными интересами организаций (перемещения людей ввиду «производственной необходимости»). Результатом данного противостояния стал вынужденный (со стороны властей) переход от «поселкового» принципа расселения спецпереселенцев в сельской местности и использования в основном городов как распределительных пунктов для сети спецпоселений к дисперсному расселению среди правового населения, в том числе в крупных городских центрах;

3) вариативность – существование различных вариантов вписывания административного режима в городскую среду;

4) принудительность – опора на внеэкономическое принуждение, системным элементом которого был режим спецкомендатуры, охватывающий городскую среду ряда населенных пунктов Западной Сибири до момента ликвидации системы спецпоселений в конце 1950-х гг. Прекращение существования системы спецпоселений привело к исчезновению феномена режимной урбанизации.

Список литературы

1. **Белковец Л. П.** Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941-1945 гг.: историко-правовое исследование. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. 324 с.
2. **Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).** Ф. 9401. Оп. 1а.
3. **ГАРФ.** Ф. 9479. Оп. 1.
4. **Государственный архив социально-политической истории Тюменской области.** Ф. 135. Оп. 1.
5. **Государственный архив Тюменской области.** Ф. 814. Оп. 1.
6. **Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа (ГАХМАО).** Ф. 118. Оп. 1.
7. **ГАХМАО.** Ф. 118. Оп. 2.
8. **Исторический архив Омской области.** Ф. 437. Оп. 21.
9. **История сталинского ГУлага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов:** собрание документов: в 7-ми т. М.: РОССПЭН, 2004. Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. 824 с.
10. **Кирилюк Д. В.** Организация всеобщего обучения детей в школах Ямало-Ненецкого национального округа в 1945-1958 гг. // Югра, Сибирь, Россия: политические, экономические, социокультурные аспекты прошлого и настоящего: мат-лы Всероссийской науч. конф., посвященной 20-летию высшего исторического образования в ХМАО-Югре. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2013. С. 174-179.
11. **Книга Памяти ссылки калмыцкого народа.** Элиста: Калм. кн. изд-во, 2004. Т. I. Ссылка калмыков: как это было. Кн. 3. Восстановление автономии и реабилитация калмыцкого народа: сб. док. и мат-лов. Ч. 1. Восстановление автономии (1956-1963 гг.). 584 с.

12. Колосов В. А., Полян П. М. Ограничение территориальной мобильности и конструирование пространства от сталинской эпохи до наших дней // Режимные люди в СССР: сборник статей. М.: РОССПЭН, 2009. С. 25-49.
13. Кондратьева Т. С. Введение // Режимные люди в СССР: сборник статей. М.: РОССПЭН, 2009. С. 10-22.
14. Красильников С. А. Спецпереселенцы // Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920-1930-е гг.). Изд-е 2-е. Новосибирск: ИД «Сова», 2007. С. 287-373.
15. Назарцева Т. М. «Горькие» страницы. Депортация калмыцкого населения // Омский краевед. 2007. № 4. С. 13-16.
16. Показаньев Ф. Там, где был урман... // К победе коммунизма. 1980. 5 марта.
17. Рудакова И. Ф. Материальное обеспечение и обслуживание спецпереселенцев на местах временного пребывания в районах Томска // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4-1. С. 177-180.
18. Савельева (Овшинова) Н. Н. Мне приходилось драться, чтобы доказать: мы тоже люди // Мы – из выселенных навечно. Воспоминания депортированных калмыков (1943-1957 гг.). Элиста: АПП «Джангар», 2003. С. 268-271.
19. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1939-1945 гг. Новосибирск: ЭКОР, 1996. 311 с.
20. Стась И. Н. Сургут: образы и пространства «нефтяного города» [Электронный ресурс] // Культурная и гуманитарная география. 2013. Т. 2. № 1. С. 18-27. URL: <http://gumgeo.ru/index.php/gumgeo/article/view/62> (дата обращения: 11.06.2015).
21. Стась И. Н. Урбанизация как хозяйство: ведомственные города нефтедобывающих районов Западной Сибири (1960-1980 гг.) // Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований. 2014. № 1. С. 64-71.

PHENOMENON OF “SPECIAL” URBANIZATION OF WESTERN SIBERIA

Ivanov Aleksandr Sergeevich, Ph. D. in History
Tyumen State Oil and Gas University (Branch) in Surgut
88d@bk.ru

The article examines the phenomenon of “special” urbanization – the penetration and settlement in the towns of Western Siberia of different categories of the special contingent of the Stalinist epoch. By the example of special resettlers the author identifies and describes the basic features of this process. The research indicates that the abolition of the system of noneconomic coercion (in the form of special settlements) results in the elimination of the phenomenon of “special” urbanization.

Key words and phrases: “special” urbanization; special resettlers; repressions; special settlements; closed towns; “registered citizens”; special contingent.

УДК 316

Социологические науки

В статье впервые рассмотрена углубленно проблема организации управления целевыми программами как актуальными формами стратегического планирования в России и Башкортостане. Суть проблемы – в неоднозначных итогах управления целевыми программами, отчасти обусловленных противоречиями в его организации. Цель исследования – выработка оснований организации управления целевыми программами как актуальными формами стратегического планирования. Новизна – в авторском подходе к организации стратегического планирования, определению ключевой категории.

Ключевые слова и фразы: организация управления целевыми программами; стратегическое планирование; целевые программы; актуальные формы стратегического планирования; программные документы; нормативно-правовое обеспечение управления целевыми программами; социальное управление.

Ивашенко Галина Михайловна, к. соц. н.

*Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра Российской академии наук
ivglm@rambler.ru*

Латыпова Гульнара Сабитовна, к. филос. н.

*Уфимский государственный авиационный технический университет
glatipova@rambler.ru*

ОРГАНИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ ЦЕЛЕВЫМИ ПРОГРАММАМИ КАК АКТУАЛЬНЫМИ ФОРМАМИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН©

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-13-02008.

Организация управления целевыми программами как актуальными формами стратегического планирования в России и Башкортостане на современном этапе характеризуется неоднозначным состоянием. Уровень